

СПЕЦХРАН | СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

ОТКРОВЕНИЯ ПАЛАЧА с ЛУБЯНКИ

ПЕТР ФРОЛОВ

Кровавые
тайны 1937
года

Петр Фролов

**Откровения палача с Лубянки.
Кровавые тайны 1937 года**

«Яуза»

2011

Фролов П.

Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 года /
П. Фролов — «Яуза», 2011

На их руках кровь сотен тысяч приговоренных к «высшей мере социальной защиты». Их жестокое ремесло было одной из главных тайн СССР. Они не рассказывали о своей страшной работе даже родным и близким, не вели дневников, не писали мемуаров... так считалось до издания этой сенсационной книги. Но, оказывается, один из палачей с Лубянки все же нарушил «обет молчания»! Конечно, он хранил свои записи в секрете. Разумеется, они не могли увидеть свет при жизни автора – но после его смерти были обнаружены среди личных вещей покойного и переданы для публикации ведущему историку спецслужб. Эта книга – один из самых шокирующих документов Сталинской эпохи. Подлинные мемуары советского палача! Сенсационные откровения члена расстрельной команды, который лично участвовал в сотнях казней, включая ликвидацию бывшего наркома Ежова, и беспощадно-правдиво, во всех кровавых подробностях, поведал о своей работе, считая ее почетной обязанностью и не сомневаясь в необходимости уничтожения «врагов народа».

© Фролов П., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Вступление	5
Глава 1	10
Комментарий Александра Севера	12
Комментарий Александра Севера:	17
Комментарий Александра Севера:	19
Глава 2	27
Встреча с Берией	28
Дела московские	31
Знакомство с Блохиным	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петр Фролов

Откровения палача с Лубянки.

Кровавые тайны 1937 года

Вступление

Рукопись, найденная на антресолях

Утром 20 декабря я сидел в студии популярной московской радиостанции. В этот день в нашей стране отмечается профессиональный праздник работников органов госбезопасности и внешней разведки – День чекиста. В прошлом скандально известный телеведущий, а сейчас программный директор этой ФМ-станции решил оригинально отметить этот праздник «наследников Дзержинского». В прямом эфире в течение часа мне предстояло доказывать радиослушателям, что сотрудники НКВД были не только палачами, но и защитниками Родины. Что еще можно обсуждать в рамках темы: «Репрессии 1937 года и органы госбезопасности».

Ведущая, очаровательная дама, предупредила меня перед прямым эфиром: несмотря на то что ее отец был сотрудником внешней разведки, по отношению к отечественным спецслужбам она настроено резко отрицательно. Впрочем, она пообещала дебатов в студии не устраивать – с этой ролью прекрасно справятся радиослушатели. Женщина ошиблась – все звонившие хвалили Сталина. Как говорится, хотели как лучше, а получилось как всегда.

После окончания передачи я вышел в коридор. Мое место занял новый гость. Ко мне подскочила редактор и вручила листок бумаги, протараторив:

– Звонила пенсионерка. В эфир просила не выводить. Оставила свой телефон. Попросила вас перезвонить. Сказала, что у нее есть интересный материал. Мемуары отца...

Последние слова редактор произнесла, повернувшись ко мне спиной: она торопилась вернуться на свое рабочее место – принимать звонки радиослушателей. Мельком взглянув на листок, я сунул его в карман.

Ближе к вечеру я позвонил по указанному номеру и договорился о встрече. Честно говоря, ехать мне не хотелось – не верил, что этот визит будет результативным. Мемуары, скорее всего, были написаны неразборчивым старческим почерком. На расшифровку текста уйдет как минимум месяц, а то и больше. Все мучения ради того, чтобы прочесть набор здравниц в честь Сталина и сцен из жизни писавшего. Возможно, что автор на самом деле не бывший чекист, а обычный графоман.

Кирпичный «сталинский» дом в районе метро Фрунзенская. Бдительная старушка-консьержка, которая долго выясняла, к кому и зачем я пришел. Квартира на пятом этаже. Дверь открыла пожилая дама. Пригласила войти. Через несколько минут мы сидели за столом в гостиной, пили кофе с коньяком и болтали о жизни. Точнее, говорила в основном она, а я больше слушал.

– Признаюсь, я почти ничего не читала из ваших книг, кроме «Антикоррупционного комитета Сталина» и книги о Берии¹. Подруга рекомендовала. Она активистка КПРФ, и мы с ней часто по этому поводу спорим. Зато с моим отцом они часами обсуждали, как хорошо было жить при советской власти. Просто она не была за границей и не знает, что можно жить иначе. Мы с мужем, к сожалению, покойным, – она печально вздохнула, – много лет прожили за рубежом. Сережа был дипломатом. Впрочем, это не по теме нашего разговора. Мой отец с

¹ Речь идет о книге «Берия. Маршал с Лубянки».

1938 по 1954 год служил на Лубянке. И до самой смерти считал, что при Сталине в стране был порядок, а все жертвы политических репрессий пострадали за реальную – а не мифическую – антисоветскую деятельность. Если бы чекисты не ликвидировали «пятую колонну» в 1937 году, то СССР не смог бы победить в войне. Отец рассказывал, что присутствовал при расстрелах. Сам он не стрелял, – поспешила добавить она, – лишь документы оформлял вместе с врачом и прокурором. Вас это не шокирует? – спросила она с тревогой в голосе.

– Что именно? – осторожно произнес я, тщательно подбирая слова. – Что он присутствовал при расстрелах? Не он ведь подписывал смертные приговоры. А мое отношение к большинству чекистов – тех, кто не запятнал себя избиением подсудимых на допросах, – вам известно из моих книг.

– Это хорошо, – с облегчением произнесла собеседница. – Просто многие мои знакомые негативно воспринимали отца только из-за того, что он служил в НКВД. Они считали эту организацию преступной и часто сравнивали ее с гестапо. А если бы узнали, что он присутствовал при расстрелах... – Она замолчала.

– Нескромный вопрос: как эти люди относятся к Никите Хрущеву? Как к разоблачителю «культа личности» или как к человеку, подписавшему десятки тысячи смертных приговоров жителям Москвы в 1937–1938 годах, когда он был секретарем столичного горкома? Наверно, как к инициатору «оттепели» и противнику тоталитаризма. Для них он герой, а ваш отец – плохой человек. Хотя по логике должно быть наоборот, или по крайней мере Хрущев повинен в репрессиях точно так же, как и Сталин. Ваш отец был всего лишь исполнитель и, наверно, искренне верил в то, что все казненные совершили реальные преступления и опасны для страны. Чего не скажешь о Хрущеве.

– Не знаю... – растерянно произнесла она. – Об этом я и не задумывалась... Вы хотите сказать, что мой отец был простым исполнителем, а Хрущев действовал осознанно, а потом ради борьбы за власть стал антисталинистом?

– Не все так просто. Ваш отец и Хрущев действовали в рамках существовавшей на тот момент ситуации. И оба искренне верили, что поступают правильно. Другое дело, что один на всю жизнь сохранил веру в это, а другой – нет. Честно говоря, к людям, не менявшим свои взгляды в угоду политической конъюнктуре, я отношусь лучше, чем к политическим «перевертышам».

– Вы бы с отцом, наверно, смогли общаться. У вас взгляд на прошлое отстраненно-нейтральный. Ему были симпатичны такие люди. Назвать его фанатичным сталинистом сложно. Скорее прагматиком, который в 1954 году почувствовал изменение ситуации и ушел из органов. Преподавал историю в военном вузе. После войны он окончил заочно пединститут, потом защитил диссертацию и в хрущевскую «оттепель», а потом и в брежневский «застой» сеял великое и ценное в умы офицеров советской армии.

– А как из чекистов попал в военные? – удивился я.

– Долгая и запутанная история. После окончания погранучилища был распределен на Дальний Восток. Оттуда переведен в Москву – в центральный аппарат НКВД. Отец шутил, что служил «канцелярской крысой в фуражке» – в архивном отделе. Там хранились все следственные дела осужденных, в том числе и приговоренных к расстрелу. Когда человека казнили, то отец писал соответствующую справку и подшивал в дело репрессированного. Во время войны отец служил в «Смерше». Как он сам рассказывал, военная контрразведка постоянно испытывала дефицит кадров из-за высоких потерь на передовой. Вот его и перевели из архивного отдела в оперативное подразделение. Одновременно начал преподавать на курсах, где обучали военных чекистов. Именно тогда он понял, что его истинное призвание – учить молодежь. Так он объяснял свое решение сначала окончить институт, а потом уйти на преподавательскую работу.

– И он преподавал историю? – удивился я.

– Не знаю, – честно призналась она. – Отец никогда дома не рассказывал о своей работе. Во всех анкетах я указывала военный вуз и должность – преподаватель. Этого было достаточно для того, чтобы меня вместе с мужем КГБ выпустил за границу...

– Вы говорили о рукописи, – аккуратно напомнил я о причине своего визита. Мне несколько раз приходилось общаться с детьми высокопоставленных чекистов. Служба в органах в эпоху Сталина наложила на этих людей обет молчания. Большинство из них не только не написали мемуаров, но и ничего не рассказали своим родственникам. Вот и сейчас я рисковал после беседы уехать домой с пустыми руками.

– Да-да, совсем заболталась, – воскликнула собеседница. – В начале девяностых годов, когда о Сталине разрешили говорить правду, отец решил написать воспоминания. Его раздражала политическая ангажированность и субъективизм большинства изданных в то время книг.

– Он все их читал? – недоверчиво спросил я, подсчитав в уме, что в то время ему должно было быть не меньше девяноста лет. Мало кто в таком возрасте сохраняет светлый ум.

– Разумеется, не все. Очень мало. Большинство просто просматривал. Он почти каждый день в «Ленинку» (Российская государственная библиотека. – *Прим. авт.*) ходил, как на работу. Решил он свои воспоминания написать. Года три трудился, если не больше. Сам на печатной машинке их печатал. Вам когда-нибудь приходилось пользоваться печатной машинкой? – подозрительно спросила она.

– Да, в далекой юности, когда еще компьютеров не было. И до сих пор для меня загадка, как люди писали с помощью печатной машинки монографии и романы – ведь это такой каторжный труд, – признался я.

– Для меня тоже. А отец смог, – с гордостью сообщила она. – В 1997 году он отнес рукопись в московское издательство. Офис находился в районе Тверской улицы. Там отец познакомился, как он потом сам сказал, с коллегой из разведки и интересным собеседником. Они вдвоем долго возились с текстом, пытаясь сделать его интересным для читателей... Его новый приятель, а они подружились, был профессиональным журналистом и в советское время работал в ТАСС... Книга так и не была издана... В течение одного месяца я потеряла отца и мужа... Где-то года через два, когда я чуть пришла в себя, попробовала отыскать рукопись, чтобы все же напечатать ее как память. Для отца было очень важно опубликовать свои мемуары. Деньги его не интересовали. Редактор сразу предупредил, что на гонорар рассчитывать не нужно. Может, заплатят, а может, нет. Отцу его военной пенсии хватало... В его записной книжке я обнаружила телефон редактора – домашний. Позвонила – мне сказали, что он умер. Издательство тоже исчезло. Остались лишь изданные им книги. Тогда я решила, что судьбе угодно, чтобы рукопись отца не была опубликована... А примерно месяц назад, когда мой сын разбирал вещи на антресолях, обнаружил вот это...

Она встала и, хромая на правую ногу, подошла к книжному шкафу. Только сейчас я заметил, что одно колено у хозяйки толще, чем другое. Так вот почему она заранее сервировала стол! Ей трудно ходить. Почувствовав, куда направлен мой взгляд, она буднично сообщила:

– Проблемы с суставом. Меня ожидает операция. Отпраздную Новый год с детьми и внуками – и в больницу. – Она печально и обреченно вздохнула. – Врачи говорят, что все будет хорошо, а меня мое сердце смущает. Возраст все же. Вот и попросила сына разобрать завалы на антресолях. И вот что он обнаружил...

Она что-то взяла с полки и повернулась ко мне. Дочь чекиста держала в руках старую картонную папку светло-синего цвета с белыми тесемками-завязками. Торжественно положив ее передо мною, пояснила:

– Первая часть рукописи. Скорее всего, это отредактированный вариант.

– Вы уверены, что это его текст? – настороженно спросил я. Было несколько случаев, когда мемуары живших в сталинскую эпоху редактировались в соответствии с требованиями политической конъюнктуры. Происходило это обычно в советское время. Сейчас иная картина.

В современной России авторы и издатели старались впихнуть в текст максимальное количество различных придуманных сенсаций.

– По крайней мере биография не противоречит его рассказам. Отдельные эпизоды, например знакомство с мамой, знали только близкие люди. Хотя там есть эпизоды, о которых он никогда мне не рассказывал. Например, о том, как сам участвовал в расстреле. Я думаю, что он должен был прочесть отредактированную книгу перед тем, как ее отправят в типографию. К сожалению, он не успел. Первая часть заканчивается июнем 1941 года. Вторая – служба в «Смерше». А третья – послевоенный период и его отдельные статьи. Возможно, было запланировано три тома. К сожалению, авторского договора пока не нашли. Может, и не было этого документа.

С жадностью я посмотрел на папку. Вот почему эти мемуары не были опубликованы десять лет назад. Автор и редактор умерли, издательство разорилось. И никто все эти годы не пытался искать рукопись.

– Интересно? – с улыбкой спросила она. – Я могу отдать ее вам, но при одном условии. Вы можете использовать ее для своих книг, но при этом не будете указывать настоящее имя моего отца, а также детали его биографии, по которым его можно идентифицировать. Я не хочу, чтобы меня и моих детей называли дочерью и внуками палача с Лубянки! Для всех он был обычной «канцелярской крысой в фуражке». Сидел в кабинете, бумажки перебирал. Если вас устраивает такой вариант, то забирайте. Как вы распорядитесь рукописью – ваше дело. У вас – ксерокопия, оригинал я оставила у себя – как память об отце. Согласны?

– Да, конечно. – Я энергично закивал головой.

– Тогда забирайте. Когда прочтете – позвоните. Мне интересно ваше мнение как историка.

Я горячо поблагодарил ее, взял три папки и отвез их домой. Признаюсь честно, предновогодняя суета не позволила сразу прочесть рукопись. Только в середине января я открыл первую папку и начал бегло просматривать лежащие в них листки. Первую главу – воспоминания автора о детстве и юности – я читал «по диагонали». Родился и вырос в областном городе Орле в семье машиниста паровоза. После школы поступил в пограничное училище. Окончил его и был направлен для прохождения службы на Дальний Восток. Обычная биография, подробности которой интересны только близким родственникам автора, да и то не всем.

Зато начиная со второй главы – описание службы на Дальнем Востоке – я читал текст медленно и внимательно, фиксируя в памяти каждую деталь. Волей случая автор оказался сначала свидетелем и невольным соучастником бегства в Маньчжурию высокопоставленного офицера НКВД Генриха Люшкова, затем присутствовал при расстреле наркома внутренних дел Николая Ежова.

Эти два эпизода и стали основой для данной книги. За прошедшие пятнадцать лет с момента написания рукописи стало известно множество новых подробностей описанных автором событий. В конце девяностых годов книга могла бы стать громкой сенсацией. Сейчас она была бы интересна только узкому кругу историков и специалистов, которые словно золотоискатели выбирали бы из нее самородки новой информации. Поэтому я решил снабдить рукопись своими комментариями, сообщив то, что по тем или иным причинам не написал сам автор – Петр Фролов².

Из рукописи этого человека я взял вторую, третью и четвертую главы: «Служба на границе», «В центральном аппарате» и «Правда о «врагах народа» и переделал их в пять глав, разбив при этом на подглавки. Все заголовки (глав и подглав) пришлось придумывать заново. Это единственное серьезное вмешательство в авторский текст.

² Имя вымышленное.

Александр Север

Глава 1

С погранзаставы в камеру Лубянки

В середине июня 1938 года на заставу «Пакшекори» 59-го Посьетского погранотряда, где я служил заместителем начальника заставы, прискакали двое всадников. Их появление сразу привлекло внимание свободных от несения службы немногочисленных пограничников. Уже три месяца мы ожидали нападения японцев. Вокруг нашей заставы были вырыты окопы полного профиля и оборудованы замаскированные огневые точки. Несколько раз в неделю проводились учения по действиям личного состава заставы в случае использования противником химического оружия. Бойцам раздали боеприпасы. С застав семьи офицеров были отправлены в глубь страны.

Если одетый в перетянутую портупеей гимнастерку цвета хаки и зеленую фуражку начальник 5-го отделения штаба погранотряда старший лейтенант Аргунов Виктор ничем не выделялся на фоне других офицеров-пограничников, то его спутник сразу стал объектом повышенного внимания со стороны свободных от охраны границы солдат. Ведь им каждый день напоминали о том, что враг затаился где-то рядом и может принять любое обличье. А тут подозрительный тип в нелепом для приграничной полосы наряде.

На голове гостя красовалась светло-синяя фуражка офицера НКВД, а в петлицах на гимнастерке – три ромба: комиссар госбезопасности 3-го ранга (соответствовало армейскому званию генерал-майора. – *Прим. ред.*). Хотя в тридцатые годы погранвойска входили в состав НКВД, но они были относительно автономной структурой, так же как и милиция или пожарные. Каждое из этих ведомств занималось решением своих узких задач. Милиция обеспечивала общественный порядок и боролась с уголовной преступностью. Пожарные тушили пожары. А пограничники охраняли государственную границу и ловили нарушителей. Крайне редко руководители краевых и республиканских органов внутренних дел посещали погранзаставы.

Меня насторожило еще и то, что высокопоставленного офицера НКВД сопровождал человек, который отвечал за организацию разведки в погранотряде. 5-е отделение штаба занималось вопросами пограничной разведки и не подчинялось разведотделу УНКВД по Дальневосточному краю или штабу Дальневосточного военного округа. Это нам еще в училище объяснили.

Аргунов и раньше появлялся у нас с кем-либо из проживавших в приграничной зоне советских корейцев. Правда, не на самой заставе, а в ее окрестностях. Там, где укажет начальник нашей заставы. Туда подходил я или другой заместитель начальника заставы – Самохин Виктор, а потом кто-то из нас вел гостей к самой границе – к тому месту, где было организовано «окно», через которое агент должен был тайно проникнуть на территорию Маньчжурии. Там старший лейтенант прощался с лазутчиком, часа два внимательно наблюдал за происходящим на чужой территории, а потом мы вдвоем возвращались на заставу. Доложив начальнику заставы о проведенной операции, он уезжал в штаб пограничного отряда. Иногда мы, наоборот, ждали прихода агента с сопредельной территории – часами лежа в секрете. Бывали дни, когда мы уходили с границы, так и не встретив разведчика. Когда это случилось впервые, я, видя мрачное лицо Аргунова, предположил:

– Может, он завтра придет. Я ребят предупрежу, чтобы они если нарушителя обнаружат, то поаккуратнее его задерживали.

– Нет, – глухо ответил спутник, – он уже не вернется. Либо его японцы схватили, или он пока еще скрывается от них... Он знает, что «окно» для него только сегодня открыто или

через три дня. Не будет он просто так рисковать. Три «ходки» успешных и четвертая... Жалко парня. У него здесь подруга осталась.

– Так зачем он рисковал тогда? – удивленно спросил я.

– Зачем? – машинально переспросил собеседник. – Он родился и вырос здесь. И это не только наша с тобой, но и его Родина. И ради нее мы все трое жизнью рискуем. Ты здесь давно служишь?

– Второй месяц пошел, – гордо заявил я.

– А я уже три года. И много чего повидал. Тишина на границе – она обманчива. Японцы еще с Гражданской войны все пытаются наш Дальний Восток захватить. Силы копят, чтобы на нас напасть. Неясно, правда, где они нанесут первый удар. Вот для этого советские граждане из числа корейцев по заданию штаба нашего погранотряда тайно проникают на территорию Маньчжурии. Хотя и враг не дремлет и сам регулярно засылает к нам шпионов и диверсантов. Обычно корейцев. Их очень много живет по обе стороны границы. И очень сложно понять, кто из них друг, а кто враг...

Комментарий Александра Севера

«Иосиф Сталин решил эту задачу просто. В сентябре 1937 года 172 тысячи этнических корейцев были выселены из приграничных районов Дальнего Востока на новое место жительства, в Среднюю Азию. Это были некоторые районы Казахстана и Ташкентская область Узбекистана. Это мероприятие было проведено на основании совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428–326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Прочитируем данный документ:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край провести следующие мероприятия:

1. Предложить Дальневосточному крайкому ВКП(б), крайисполкому и УНКВД Дальневосточного края выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края: Посьетского, Молотовского, Ханкайского, Хорольского, Черниговского, Спасского, Шмаковского, Постышевского, Бикинского, Вяземского, Хабаровского, Суйфунского, Кировского, Калининского, Лазо, Свободненского, Благовещенского, Тамбовского, Михайловского, Архаринского, Сталинского и Блюхеровского и переселить в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР.

Выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гродеково районов.

2. К выселению приступить немедленно и закончить к 1-му января 1938 года.

3. Подлежащим переселению корейцам разрешить при переселении брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность.

4. Возместить переселяемым стоимость оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов.

5. Не чинить препятствий переселяемым корейцам к выезду, при желании, за границу, допуская упрощенный порядок перехода границы...

11. Увеличить количество пограничных войск на 3 тысячи человек для уплотнения охраны границы в районах, из которых переселяются корейцы.

12. Разрешить Наркомвнуделу СССР разместить пограничников в освобождаемых помещениях корейцев.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин».

Можно предположить, что решение о проведении депортации было принято весной 1937 года. Именно тогда со страниц советских газет зазвучали обвинения в адрес проживавших на территории Дальнего Востока корейцев. Так, газета «Правда» в номере от 23 марта 1937 года рассказывала о задержании корейцем-колхозником засланного японцами на советскую территорию шпиона-корейца. В статье, в частности, сообщалось:

«Шпион-кореец. Он «работает» на своих хозяев – японцев – не первый год. Самые подлые, кровавые дела поручали ему... Недавно японский жандармский офицер поручил ему разведать, силен ли советский строй на Дальнем Востоке. Шпиону мерещились новые тысячи иен. Он согласился отправиться через границу. Поздней ночью шпион двинулся в путь. Но едва он вступил на советскую землю, как его задержал кореец-колхозник. Испытанное оружие про-

вокатора – национальное родство – дало на этот раз осечку. Шпион просчитался. Корейцы – советские граждане – научились распознавать врага. Советский патриот-кореец доставил куда следует врага своего народа. Человекообразный хищник обезврежен».

Газета «Правда» в номере от 10 июля 1937 года поместила статью «Подрывная работа японской разведки», которая сообщала, что японцы внедряют своих шпионов в корейское национально-освободительное движение и создают фиктивные «революционные корейские организации» для раскола общего национально-революционного фронта корейских трудящихся. «Японская агентура, – говорилось в статье, – создает групповую и фракционную борьбу среди корейских общественных организаций, стремится разложить их изнутри и заодно подготовить материалы для новых вербовок».

Газета «Известия» в номере от 4 сентября 1937 года сообщила о том, как с помощью председателя пограничного корейского колхоза «Борьба» Ким Иксена пограничники задержали переброшенного японцами из Маньчжоу-Го корейца-шпиона.

Понятно удивление автора мемуаров, когда он увидел на территории погранзаставы офицера пограничной разведки, который не появлялся здесь, наверно, полгода. Ведь вместо корейцев в приграничных районах разместили пограничников, которых не перебросишь с разведывательной миссией в оккупированную Японией Маньчжурию. К тому же с апреля 1938 года в пограничных и внутренних войсках, дислоцированных на территории Дальнего Востока, был введен режим повышенной боевой готовности. В Москве, не без оснований, опасались вооруженных провокаций со стороны Японии. Отдельный Дальневосточный военный округ с 1 июня 1938 года был преобразован в Дальневосточный фронт.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

... Через две недели после нашего разговора произошло ЧП – начальник заставы вместе с пятью пограничниками вступил в неравный бой с группой нарушителей и был ранен в ногу. После лечения в госпитале он снова вернулся на нашу заставу.

В первой половине 1938 года Аргунов несколько раз появлялся в зоне ответственности нашей заставы в сопровождении группы вооруженных пистолетами и винтовками китайцев, которые раньше проживали в Маньчжурии и воевали с японцами в составе партизанских отрядов, а теперь перебрались в Советский Союз.

За сутки до появления старшего лейтенанта и «партизан» я получил приказ от начальника заставы организовать «окно» на границе. Когда впервые группа ушла в Маньчжурию, я осторожно поинтересовался у Аргунова, как эти партизаны попали в Советский Союз.

– Бывшие... – поправил он. – Теперь они полноправные советские граждане и выполняют специальные задания командования пограничных войск. Они нам границу будут помогать охранять. – И, увидев недоумение на моем лице, пояснил: – Ловить нарушителей еще до того, как незваные гости появились на нашей территории. Сегодня к вечеру они должны одного такого доставить.

И действительно, «партизаны» вечером привели корейца.

– Агент японской разведки, – сообщил мне Аргунов, выслушав короткий доклад одного из китайцев и указав на пленника.

– А дальше что? – спросил я, не зная, как реагировать на факт похищения иностранного подданного, пусть даже и шпиона. Вот если бы его захватили с поличным на нашей территории, тогда все понятно. А так это грубое нарушение международного права, как и рейды «партизан». Хотя и японцы проделывали то же самое – пытались похищать советских пограничников и регулярно перебрасывали через границу шпионов и диверсантов.

– Дальше все просто. Партизаны на свою базу – тренироваться и готовиться к следующему рейду. Этого, – он взглянул на «агента японской разведки», – в отряд для допросов, а

тебе на заставу. Доложишь обо всем случившемся своему непосредственному начальнику и забудешь обо всем, что видел и слышал сегодня.

Вот примерно при таких обстоятельствах я встречался с Аргуновым до того дня, когда он появился на заставе с подозрительным типом, одетым в форму комиссара госбезопасности 3-го ранга.

Гости сразу проследовали в домик, где находился штаб и комната Красного уголка. Через несколько минут меня вызвал командир – начальник заставы Махалин Алексей. Войдя в комнату и четко доложив о своем прибытии, я смог более детально рассмотреть незнакомца.

Спутник старшего лейтенанта мне сразу не понравился. Типичный местечковый еврей с усиками, как у Гитлера. На гимнастерке две награды: орден Красной Звезды и орден Ленина. Взгляд у визитера был какой-то испуганный и затравленный. Словно его поймали за подготовкой чего-то противозаконного. Подозрительным было еще и то, что, несмотря на высокое звание и боевые ордена, держался он как-то скованно и испуганно озирался по сторонам, словно опасаясь чего-то.

Оба пограничника выглядели сильно растерянными и смущенными, словно им приказали выполнить что-то противозаконное. Что именно, я понял, когда услышал распоряжение начальника погранзаставы:

– Завтра утром, с 5 до 8 часов, организуешь «окно» на 7-м участке. Из Маньчжурии должен прийти агент, на встречу с... – Он вопросительно взглянул на Аргунова.

– Комиссаром госбезопасности 3-го ранга, – поспешно подсказал офицер пограничной разведки и добавил, словно боялся, что Махалин случайно скажет что-то лишнее: – Мы сами пройдем на 7-й участок и вернемся обратно самостоятельно. Все секреты и дозоры в районе проведения встречи нужно снять!

Вот что вызвало смущение и растерянность обоих пограничников! Непонятно кем (для автора мемуаров. – *Прим. ред.*) отданный приказ о том, что встреча неизвестного комиссара 3-го ранга с агентом пройдет без контроля со стороны офицеров погранзаставы! Разумеется, граница на 7-м участке будет оставаться «на замке», правда для всех, кроме гостя. Фактически в течение нескольких часов он будет находиться на нейтральной полосе! А вдруг его решат захватить японцы! Неделию назад на заставе соседнего погранотряда трое японцев попытались похитить советского пограничника. Двое находившихся в секрете бойцов уже приготовились захватить нарушителей, но внезапно взлетевший фазан заставил самураев обратиться в паническое бегство.

– Вам все ясно? – жестко произнес Махалин, обращаясь ко мне, и поспешно добавил, опасаясь моих возражений: – Тогда выполняйте!

– Никак нет! – четко отпарировал я. – Считаю данное распоряжение нарушением приказа начальника погранотряда от 15 апреля, согласно которому категорически запрещается находиться в приграничной полосе в дневное время суток военнослужащим пограничной охраны в одиночку, а тем более представителям среднего командного состава погранотряда. Требую письменного приказа командира погранотряда или лица, его замещающего!

Махалин снова вопросительно взглянул на Аргунова. Наверно, у последнего был такой приказ, но по какой-то причине я не имел права прочесть этот документ. Я ведь и раньше, когда организовывал «окна» в интересах пограничной разведки, не знакомился с соответствующими распоряжениями. По должности мне не полагалось знать подробности организации разведдеятельности. Тогда, правда, перед первым совместным с Аргуновым выходом на границу я ознакомился под подпись (расписался. – *Прим. ред.*) с несколькими документами, регламентирующими организацию таких мероприятий. Эти документы хранились в одном из сейфов в штабе погранотряда. И в них ничего не было сказано о том, что с агентом из числа иностранных граждан может встречаться лицо старшего начальствующего состава НКВД. Было там упоминание об офицерах из разведотдела штаба Дальневосточного военного округа, но это была Крас-

ная Армия, а не НКВД. Военные тоже регулярно перебрасывали на сопредельную территорию агентов, но помогал им в этом не я, а Самохин. Если визитер на самом деле офицер Красной Армии, а форму НКВД надел для маскировки, то почему для организации «окна» вызвали меня? Может быть, для военной разведки есть свои правила, с которыми знаком Самохин, и офицерам РККА можно находиться на нейтральной полосе без сопровождения двух пограничников. Странно все это. Надо будет доложить о происходящем оперуполномоченному Особого отдела (военная контрразведка. – *Прим. ред.*) Ключеву. Как раз он завтра должен после обеда прибыть на нашу заставу. А что сейчас делать? Ведь приказ Махалина придется выполнять! Странно, что незнакомец в форме комиссара госбезопасности молчит все время. Не вмешивается в наш разговор. Почувствовав, что его миссия на грани срыва, он резко извлек из кармана служебное удостоверение и, четко выговаривая каждое слово, негромко, словно боялся, что кто-то подслушивает наш разговор за дверью, отчеканил:

– Устного приказа начальника Управления Наркомата внутренних дел по Дальневосточному краю будет достаточно?

Он продемонстрировал мне красную книжечку со своей фотографией и указанием должности. Присутствующие при этой сцене двое пограничников побледнели. В какие-то доли секунды затравленный человечек превратился в сильного и уверенного чекиста, чьи распоряжения хотелось выполнять немедленно и не задавать глупых и бессмысленных вопросов. Произошедшее ввело всех нас – троих пограничников, которые немало повидали за время службы на границе, в состояние шока. В том, что гость действительно начальник УНКВД по Дальневосточному краю, а не самозванец или вражеский шпион, в этом мы не сомневались. Иначе Аргунов просто бы не привез его на погранзаставу. Значит, командир погранотряда знал имя и должность этого человека, но по какой-то причине решил сохранить его инкогнито, приказав своему подчиненному выполнять все приказы комиссара госбезопасности 3-го ранга.

– Если достаточно, то выполняйте! – распорядился начальник УНКВД по Дальневосточному краю.

Я все же написал рапорт на имя Махалина, где указал все нарушения, которые были связаны с организацией визита гостя на границу. Прочтя этот документ, начальник заставы поморщился, но все же расписался и указал время ознакомления. После этого он спрятал бумагу в сейф. Этим рапортом я не ограничился. Понимал, что из-за тревожной обстановки на границе я не смогу лично поговорить завтра с Ключевым, поэтому подготовил сообщение и для военного контрразведчика и позаботился о том, чтобы оно при любых обстоятельствах попало к адресату. Впоследствии эти документы спасли мне не только жизнь, но и позволили остаться на свободе.

На следующее утро Аргунов вместе с начальником УНКВД по Дальневосточному краю ушли на 7-й участок. Я отдал необходимые распоряжения по временному переносу секретов и маршруту прохождения по дозорной тропе пограничных нарядов. Возможно, я бы сумел убедить Махалина разместить в районе 7-го участка дополнительную группу, чтобы в случае чего прийти на помощь Аргунову, но японцы спутали мои планы. На соседней заставе произошел прорыв границы – на нашу территорию проникла группа из семи диверсантов. Застава была поднята в ружье. Я возглавил оперативную группу, которая участвовала в поиске нарушителей. В ходе перестрелки троих бандитов мы уничтожили, оставшиеся были захвачены живыми. Усталый, промокший и вымазанный грязью, я вернулся на родную погранзаставу только под утро следующего дня.

В кабинете начальника погранзаставы за письменным столом сидел зам. командира погранотряда капитан Алексеев. Рядом на табуретках пристроились Ключев и Самохин. Первая моя мысль, когда я увидел этих людей, – что-то случилось с Махалиным. Капитан зло взглянул на меня и сообщил:

– Приказом командира пограничного округа с 17 часов вечера 12 июля 1938 года исполняющим должность начальника погранзаставы назначен лейтенант Самохин. Лейтенант Махалин временно отстранен от должности в связи с проведением служебного расследования. В связи с тем, что вы способствовали побегу за границу лица начальствующего состава НКВД, в отношении вас назначена доследственная проверка. Поэтому приказываю вам сдать личное оружие и документы.

Комментарий Александра Севера:

«Рассказанная автором история побега Генриха Люшкова отличается от канонической версии, которая с большей или меньшей степенью детализации описана в отечественной литературе. В качестве примера процитируем фрагмент книги Николая Великанова «Измена маршалов»:

«Комиссар НКВД выехал на проверку состояния границы с Маньчжурией. Трое суток инспектировал пограничные подразделения, объявлял тревоги, проверял бдительность пограничников в нарядах. С особой тщательностью он изучил участок 59-го Посыетского погранотряда. Ночью 13 июня Люшков вместе с начальником отряда К. Гребенником и заместителем начальника разведотдела краевого управления лейтенантом госбезопасности К. Стрелковым вышли к запретной зоне границы. Здесь Стрелкову было приказано подождать в условленном месте, а с начальником заставы Люшков двинулся непосредственно в зону. Начальник УНКВД сказал Гребеннику, что он намерен встретиться в «окне» с нелегальным агентом из Маньчжурии. По инструкции никто не должен видеть агента. Поэтому Люшков велел пограничнику подвести его к «окну», а затем отойти на полкилометра и ждать дальнейших распоряжений.

Начальник погранзаставы ждал час, два – Люшков не возвращался. Заподозрив недоброе, рискуя за нарушение инструкций попасть под трибунал, он решился подойти вплотную к «окну» – комиссара НКВД нигде не было видно. Страшное подозрение пронзило пограничника, он бросился к скрытой телефонной розетке, отдал команду поднять заставу в ружье...»³

Красивая версия, вот только тогда граница не была еще оборудована телефонной связью. Хотя это мелочь по сравнению с дальнейшей судьбой начальника отряда Кузьмы Евдокимовича Гребенника, который последним видел беглеца. Как должны были в то суровое время поступить с офицером-пограничником, который позволил уйти за кордон начальнику краевого управления НКВД? На время расследования отстранить от должности, а затем расстрелять или отправить на много лет в ГУЛАГ. Ничего этого не произошло.

Кузьма Гребенников продолжал командовать 59-м Посыетским погранотрядом до осени 1942 года. С этого времени началась его фронтовая биография. До 1 февраля 1943 года – заместитель по строевой части командира Дальневосточной стрелковой дивизии войск НКВД СССР Отдельной армии войск НКВД СССР. С 1 февраля по 8 августа 1943 года – заместитель по строевой части командира 102-й стрелковой Дальневосточной (впоследствии – Новгород-Северская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова) дивизии (3-го формирования) 70-й армии последовательно Резерва Ставки Верховного Главнокомандующего и (с 15 февраля 1943 года) Центрального фронта (2-го формирования). С 8 августа 1943 года по 28 марта 1945 года – командир 15-й стрелковой Сивашской (впоследствии – вдобавок Штеттинская) ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Трудового Красного Знамени УССР дивизии. В 1945 году данное соединение участвовало в боях и сражениях Восточно-Прусской и Восточно-Померанской стратегических наступательных операций и, в частности, по штурму немецкого города-порта Данциг (ныне – польский Гданьск). С 28 марта 1945 года и как минимум до конца Великой Отечественной войны – командир 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дважды Краснознаменной орденов Кутузова, Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии 18-го стрелкового Краснознаменного корпуса (4-го формирования) 65-й армии (2-го формирования) 2-го Белорусского фронта (2-го формирования).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 года «за мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Одер»: комдив-37-й гвардии генерал-майор К. Е. Гребенник вышел на левый берег в рядах передового отряда 109-го гвардейского стрелкового

³ Великанов Н. Измена маршалов. М., 2008. С. 282–283.

полка. Под его руководством здесь был захвачен и в течение двух суток прочно удерживался стратегически важный для наших войск плацдарм. Кроме того, подразделения полка неустанно вели успешные наступательные бои по расширению плацдарма, и в том числе путем захвата у противника господствующих над местностью высот.

Кроме того, соединение под командованием гвардии генерал-майора К. Е. Гребенника, в результате умело организованной командованием дивизии боевой операции, овладело сильно укрепленным восточнопомеранским населенным пунктом Кольбитцов (ныне – польский Колбасково. – Прим. ред.), расположенным юго-западнее восточнопомеранского города Штеттен (ныне – польский Щецин. – *Прим. ред.*) и 2 мая 1945 года северо-восточнее немецкого города Росток, по-прежнему неустанно громя противника, с боями вышла к Балтийскому морю...».

С 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года – по линии советского государства свидетель злодеяний японских милитаристов на Токийском судебном процессе Международного военного трибунала для Дальнего Востока над главными японскими военными преступниками.

В 1948 году вернулся в Пограничные войска на должность заместителя начальника войск Закарпатского пограничного округа. Затем последовательно командовал Украинским, Ленинградским, Западным пограничными округами. В 1961 году вышел в отставку.

Вот такая биография у офицера-пограничника, который «позволил» сбежать к японцам Генриху Люшкову. Кто-то может сказать, что Кузьма Гребенников, назначенный на пост начальника погранотряда с должности командира 3-го мотомеханизированного полка Отдельной мотомеханизированной ордена Ленина дивизии особого назначения войск НКВД СССР имени Ф. Э. Дзержинского, не знал специфики организации охраны госграницы. Действительно, полком он командовал с 1931 по 1937 год. А до этого в течение 9 лет участвовал в охране госграницы с Польшей в должностях начальника заставы и отряда. В 1924 году окончил Высшую пограничную школу Объединенного государственного политического управления. До того, как стать пограничником, участвовал в Гражданской войне. Так что считать его дилетантом в вопросах организации охраны госграницы нельзя.

Начальник заставы Алексей Махалин после побега Люшкова продолжал занимать свой пост. 29 июля 1938 года он нес службу во главе пограничного наряда из десяти красноармейцев в районе озера Хасан на высоте Безымянная. На рассвете несколько групп японцев перешли государственную границу и окружили наряд. Начальник заставы организовал бой в окружении и подготовил выход бойцов из окружения. Заменял в бою убитого пулеметчика. Геройски погиб в рукопашной схватке на линии границы.

25 октября 1938 года лейтенанту Махалину А. Е. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

...Я предполагал, что из-за визита начальника НКВД Дальневосточного края у нас будут проблемы, но такого развития событий я, честно говоря, не ожидал. Дальнейшее я до сих пор вспоминаю как кошмарный сон.

Весь день меня допрашивали Ключев и военный дознаватель – офицер из штаба погранотряда. Несколько раз я дословно пересказывал тексты рапорта на имя Махалина и сообщения для Ключева. «Следователи» все хотели выяснить, почему я, подготовив эти документы, все равно позволил Аргунову и комиссару госбезопасности 3-го ранга уйти вдвоем на 7-й участок.

Через сутки меня под конвоем сначала отвезли в Посыет, а оттуда – в Хабаровск. Там я находился в течение двух месяцев. Одиочная камера в тюрьме НКВД. На допросы меня почему-то вызывали редко. Возможно, следователи поняли, что сообщить что-то новое к уже рассказанному Ключеву я не смогу. С начальником УНКВД я познакомился накануне ЧП, возражал против нахождения последнего на границе, но подчинился приказам командования.

Комментарий Александра Севера:

«Начальник УНКВД по Дальневосточному краю Люшков традиционно изображается как сталинский палач, который из-за боязни наказания за организацию «кровавой чистки» на Дальнем Востоке сбежал из Советского Союза в Маньчжурию и поступил на службу в японскую разведку.

Рисовать портрет этого человека исключительно черными красками неправильно. Были в его жизни и светлые, можно сказать, героические, эпизоды. Правда, датировались они периодом Гражданской войны и первой половиной двадцатых годов, когда Люшков участвовал в борьбе с бандитизмом на Украине.

Много интересного можно узнать о Генрихе Люшкове из его автобиографии, которую он написал 15 августа 1923 года.

«Родился я в 1900 году в г. Одессе в семье мелкого ремесленника – портного. С 1908 по 1915 год учился в 6-классном начальном Казенном училище в г. Одессе, каковое и окончил. Затем служил в конторе в качестве конторского служащего, одновременно учась на вечерних общеобразовательных курсах, в коих прошел курс объема 6 кл. гимназии. С 1917 года был вовлечен в Революционную Бурю и вступил на 18-м году в боевую дружину Соц. Молодежи и затем в июле 1917 года и 14, 15, 16 января 1918 года при захвате Власти Советом... С наступлением немцев и переходом в подполье остаюсь в Одессе и продолжаю работать совместно с т.т. КОРНЮШИНЫМ (член ВУЦИКа) и др. В феврале 1919 года при разгроме белогвардейцами подполья, направляясь на явку, я был арестован. Из-под стражи бежал и, снабженный документами, через Николаев прибыл в Екатеринославский губком, а оттуда в Обще-Городской Комитет к тов. АМОСОВУ. Изъявил желание пойти в Кр. Армию и был направлен под Николаев, где после взятия такового был зачислен в 1 николаевский Совполк красноармейцем-политработником. Оттуда был командирован на Центральные Военно-политические курсы Наркомвоен. Украины в Киеве. Курсы окончил со званием ответственного политработника и попал со всеми выпущенными курсантами на фронт против Петлюровцев под ст. Жмеринка. Пробыв с месяц на фронте, был отозван и командирован в распоряжение Губвоенкома, откуда прикомандирован к Киевскому Губпарткому в качестве Пом. Военного организатора. После сдачи Киева в августе 1919 года был откомандирован в распоряжение ПО АРМА 14 (Политотдел 14-й армии. – Прим. ред.) в Брянск, из ПО АРМА в качестве политрука в формировавшуюся ударную 1 отд. Стр. бригаду 14 армии. С означенной бригадой выступил в сентябре на фронт и к ноябрю после поражения деникинцев и перехода на отдых в Орел был назначен Секретарем Побрига. Вскоре бригада была расформирована и влита в 57 дивизию, где я был назначен Завпобригом 2 (заведующий политотдела 2-й бригады. – Прим. ред.). По расформировании Побрига был откомандирован в Подив (политотдел дивизии. – Прим. ред.), а оттуда в ОО (Особый отдел – орган военной контрразведки. – Прим. ред.) 57 див. на должность Упол. Бригадой (уполномоченного бригадой – военный чекист, отвечавший за контрразведывательное обеспечение бригады. – Прим. ред.), где и был на польском фронте со всей дивизией (Речицкое направление). Из ОО откомандирован в Подив, а оттуда в распоряжение Одесского Губкома для продолжения образования. Губком командировал меня в институт Гуманитарных наук, а оттуда затем и откомандирован в распоряжение Одесской ЧК, где я был назначен Упол. по военным делам и шпионажу в Тираспольский Сек/уезд, п/отдел, а затем назначен Зам. Зав. п/отделом. Затем переведен в Вознесенский на ту же должность. Отозван в Губчека и назначен Нач. Орготделения, затем врид. Нач. АОЧ. Проработав в Одесской Губчека и ГПУ с 1920 г. по 1922 год, я ушел в отпуск, а затем с санкции ГПУ УССР откомандирован в Подгуботдел ГПУ и оттуда вместе с тов. ПОДЗАХОДНИКОВЫМ в г. Каменец, где все время и работаю. На работе в ОГЧК был ранен, между прочим, в левую руку».

В июне 1922 года его назначили зам. начальника Первомайского уездного отделения ГПУ, и вскоре под его непосредственным руководством в уезде «была ликвидирована петлюровская организация, состоявшая из осколков банд петлюровских атаманов Бондаряка и других».

С ноября 1922 г. по апрель 1924 г. Люшков работает в Каменец-Подольском пограничном отделении ГПУ уполномоченным, начальником секретно-оперативной части, помощником начальника пограничного отделения и ликвидирует «политический бандитизм и... банды петлюровских атаманов Хмары, Харченко, Гальчевского, прибывшего с петлюровскими атаманами из-за кордона; во время ликвидации были убиты атаманы Ковбасюк и другие».

Потом была работа начальником Волочиского пограничного отряда ГПУ (апрель – сентябрь 1924 года), начальником Проскуровского окружного отдела ГПУ (ноябрь 1924 года – октябрь 1925 года), начальником Информационного (октябрь 1925 года – май 1930 года), секретного (май 1930 года – апрель 1931 года) и секретно-политического (апрель – август 1931 года) отделов ГПУ УССР.

Характеризуя его работу на этих постах, председатель ГПУ УССР В. А. Балицкий писал: «В 1926 году ликвидировал ряд шпионских групп на Подолии. В 1926 году под его руководством была нащупана террористическая группа, подготовлявшая покушение на председателя ВУЦИК тов. Петровского. Тов. Люшков в течение двух с половиной лет являлся непосредственным руководителем всей информационно-осведомительной работой ГПУ на Украине и показал себя энергичным и способным оперативным руководителем. За время своей работы в секретном, а затем в секретно-политическом отделе ГПУ УССР и возглавляя упомянутые отделы, тов. Люшков имеет большие оперативные достижения и заслуги. Под его руководством и при его непосредственном участии ряд крупных контрреволюционных повстанческих организаций были ликвидированы. Особенно значительна его роль в развороте и ликвидации дел диверсионно-повстанческих организаций – «Украинского Национального Центра» и военно-офицерской организации (дело «Весна»). Личные выезды тов. Люшкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых повстанческих диверсионных организаций, охвативших почти все Левобережье Украины, часть Правобережья, Волыни и Подолии, снабженных большим количеством оружия и связанных с военно-офицерской организацией в частях Красной Армии через эмиссара Гариля».

За успешную борьбу с бандитизмом ПП (полномочным представительством. – *Прим. ред.*) на Правобережье Украины тов. Люшкову была объявлена благодарность.

Президиумом Каменец-Подольского [окружного] исполкома представлялся к награждению орденом «Красного Знамени» за успешную борьбу с контрреволюцией и бандитизмом на Подолии.

В ознаменование десятилетия существования органов ЧК – ГПУ за безупречную работу в органах ЧК – ГПУ, активную и энергичную борьбу с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом награжден ВУЦИКом боевым оружием системы «Маузер» с надписью на золотой дощечке. За долголетнюю плодотворную работу в деле борьбы с контрреволюцией, шпионажем и диверсией тов. Люшков Генрих Самойлович представляется к награждению орденом «Красное Знамя». В Москве заслуги Люшкова оценили значительно скромнее, и вместо ордена Генрих Самойлович довольствовался знаком «Почетный Работник ВЧК – ГПУ». Впрочем, Балицкий своего подчиненного в обиду не дал и, став заместителем председателя ОГПУ СССР, забрал его с собой в Москву⁴.

⁴ Золотарев В. Прозрение чекиста Люшкова. // В мире спецслужб. 2004 год. Май. № 3.

Прочитируем «Сводку характеризующего материала по занимаемой должности, предусмотренной группсеткой приказа ОГПУ за № 234-94 1924 года, на Люшкова Генриха Самойловича». Согласно этому документу Генрих Люшков:

«1. Опытный и испытанный организатор и администратор, проявивший себя в этой плоскости, стойкий коммунист и хороший товарищ.

2. Фактически руководитель. Проявляет характер, колоссальную инициативу. Проявляет умение подбирать работников и руководить ими. Имеет организаторские и административные способности в полной мере. Способности в секретно-оперативной весьма хорошие. Трудолюбив, работоспособен на все 100 процентов. Имеет заслуги за организаторские и оперативные работы. Безусловно, следует оставить на работе в той же должности. По своей работоспособности можно использовать на самостоятельной ответственной должности начальника отдела. Энергичен и дисциплинирован. Настойчив, выдержан. Умеет признавать свои ошибки и делать вывод. Отношение к товарищам по службе и к подчиненным весьма хорошее, взаимоотношения с высокими инстанциями органов ГПУ прекрасные. Политически высоко развит. Умеет проявлять такт в подходе к работе, честен и строго выдержанный характер.

3. С 1 марта по 1 сентября 1923 года.

Является фактически непосредственным руководителем всей секретно-оперативной работы. Инициативу проявляет в достаточной мере. Подбирать работников умеет. Обладает организаторскими и административными способностями, но не пользуется должным авторитетом ввиду своей молодости. Имеет большие способности в секретно-оперативной отрасли работы. Работоспособен. Однако работать мешает его болезненное состояние. Болеет туберкулезом. Особых заслуг в секретно-оперативной работе не имеет, кроме повседневных, в борьбе с бандитизмом и различными проявлениями контрреволюции. Безусловно, следует оставить в этой должности. В данный момент шире использовать не представляется возможным ввиду молодости и внешнего мальчишеского вида, из-за которого он не может внушить к себе другого отношения – как к молодому товарищу, а не начальнику. Энергичен, дисциплинирован, настойчив, выдержан, владеть собой умеет. От ошибок не отказывается и вывод из создавшегося положения сделать может. Отношение к товарищам хорошее, к подчиненным товарищеское. Взаимоотношение с высшими инстанциями хорошее. Политически развит. Как особое достоинство можно отметить рвение к тому, чтобы во что бы то ни стало достигнуть намеченной цели. Недостатки не отмечены.

4. 1924 год.

Заслуженный оперативный чекист. Умеет разбираться в обстановке. Имеет авторитет у подчиненных и в советских организациях. Умеет владеть собой, военной подготовки не имеет, отношение с подчиненными товарищеское. В своих решениях настойчив, административные способности есть. Состояние здоровья болезненное. Политически подготовлен удовлетворительно. Занимаемой должности соответствует.

5. 20 декабря 1929 года.

Тов. Люшков – начинформотдела и ПК на указанной работе около 5 лет. Показал себя хорошим, крепким организатором, обладает административными способностями, знает оперативную работу с достаточной политической подготовкой, большим кругозором. Обладает большим тактом, пользуется авторитетом и уважением, сумел создать в аппарате здоровую деловую товарищескую обстановку. Во время его работы в ИНФО на Украине имеет большие успехи, как в постановке организационной работы, так и в реальных результатах по оперативной линии и в соответственной постановке информации. Вполне может быть выдвинут на руководящую работу по другой оперативной отрасли.

6. 9 ноября 1930 года.

Как на периферийных органах, так и на руководящей работе в центральном аппарате показал себя чрезмерно энергичным, способным оперативным руководителем. В своей работе

дает правильные чекистско-оперативные и политические указания и установки, вместе с тем сам лично принимает непосредственное участие в практической работе, на отдельных фактах повседневной работы учит своих подчиненных, как надо работать. За короткое время своей работы в СО (Секретный отдел. – *Прим. ред.*) Люшков имеет большие оперативные достижения и заслуги. При его непосредственном участии ликвидирован ряд крупных контрреволюционных повстанческих организаций на Украине. Особенно его роль значительна в ликвидации и развитии дела диверсионно-повстанческой организации «Весна». Личные выезды в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных обвиняемых во многом способствовали раскрытию дела, причем т. Люшков сумел взять нужные темпы в работе. Хороший товарищ и партиец, пользуется общим уважением, обладает большим политическим кругозором».

Чем занимался Генрих Люшков после того, как он в августе 1931 года был переведен в Москву, и каких достиг результатов – известно многим. Для тех, кто не в курсе, поясним, что с 17 августа 1931 года Люшков работает в секретно-политическом отделе ОГПУ СССР начальником 2-го (крестьянского) отделения и по совместительству помощником начальника отдела, а 5 июля 1933 года его повышают до заместителя начальника того же отдела.

Про свою работу на Лубянке Генрих Люшков расскажет в 1938 году, перебежав к японцам:

«... Я имел отношение к следующим делам:

1. Дело так называемого ленинградского террористического центра в начале 1935 года.
2. Дело террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле в 1935 году.
3. Дело так называемого троцкистско-зиновьевского объединенного центра в августе 1936 года...».

Его усердие было отмечено вторым знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ» и званием комиссара госбезопасности 3-го ранга. В августе 1936 года он был назначен начальником УНКВД по Азовско-Черноморскому краю. Там он «прославился» незаконными методами ведения следствия. В июле 1937 года Люшкова наградили орденом Ленина и назначили начальником УНКВД по Дальневосточному краю. На новом месте новый начальник краевого управления внутренних дел активно начал «чистку». В январе 1938 года нарком внутренних дел Николай Ежов поставил в пример другим начальникам региональных управлений деятельность Генриха Люшкова, под руководством которого было репрессировано 70 тысяч «врагов народа» – самый высокий показатель в стране⁵.

Вот такая противоречивая личность. В начале двадцатых годов самоотверженно боролся с бандитизмом, а спустя десять лет так же фанатично истреблял «врагов народа», даже не пытаясь понять, кто из репрессированных действительно вредил советской власти, а кто стал жертвой произвола.

Генриха Люшкова также обвиняют в том, что он выдал огромное количество секретов Красной Армии. Он действительно много сообщил японцам, но часть переданной им информации заставила Токио частично пересмотреть свои агрессивные планы относительно советского Дальнего Востока и отказаться от крупномасштабного вторжения.

В конце восьмидесятых годов японский историк Хияма Есиаки встретился с Коидзуми Коитиро. Пятьдесят лет назад последний был младшим офицером 5-го отдела Второго управления Японского генерального штаба, занимавшегося сбором разведывательных данных об СССР. Ветеран японской военной разведки сообщил:

«...Кинами Юкио, бывший в то время в чине майора, доставил Люшкова на самолете в Токио. Затем Люшков для установления личности был направлен в специальный отдел бес-

⁵ Золотарев В. Прозрение чекиста Люшкова. // В мире спецслужб. 2004 год. Май. № 3.

печения безопасности министерства внутренних дел, где он подвергся допросу со стороны помощника полицейского инспектора, которого звали, насколько я помню, Сакадзаки.

Я припоминаю, что на следующий день у нас в пятом отделе появился майор Кинами, представивший свои соображения по этому делу начальнику пятого отдела Кавамата Хидэто и беседовавший с начальником управления Хомма Масахару.

Говорили, что вскоре в связи с этим делом к нам прибыл офицер германской тайной полиции (гестапо). Но эти сведения неточны. На самом деле тогдашний германский военный атташе в Токио Шерр обратился к нашему командованию с просьбой ознакомить его с протоколом допросов Люшкова, однако, поскольку в то время еще не был заключен договор с Германией о военно-оборонительном союзе, наш генштаб вежливо отклонил эту просьбу.

Я слышал, что допросы Люшкова проводились в уединенном особняке, расположенном в Токийском районе Кудан. Майор Кинами создал особую группу под своим руководством, в которую были включены специалисты по Советскому Союзу из генерального штаба и иностранного отдела министерства внутренних дел. Так возникла «контора Кудан». Это название было присвоено группе для сохранения секретности.

Протоколы допросов Люшкова должны были храниться в подземном архиве генштаба и в конце войны уничтожены. Таким образом, в настоящее время они вряд ли сохранились. Однако во время событий (у реки Халхин-Гол) они были еще в целостности и сохранности, и с частью из них я был ознакомлен.

Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными. В наши руки попала информация о Вооруженных Силах Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях и укреплениях. В полученной от Люшкова информации нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, т. е. на конец июня 1938 г., наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий. В тыловом резерве у нас находилось 2 дивизии, и 23 дивизии вели боевые действия против Китая.

Мы убедились в абсолютной необходимости иметь на советском направлении, по крайней мере, 19 дивизий, так как имевшихся в наличии 9 дивизий для обороны в случае нападения Советского Союза было совершенно недостаточно.

Опираясь на полученные от Люшкова данные, пятый отдел генштаба пришел к выводу о том, что Советский Союз может использовать против Японии в нормальных условиях до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости сосредоточить от 31 до 58 дивизий. К этому еще следовало добавить примерно 10 кавалерийских дивизий армии Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики. – *Прим. ред.*), а также ее внутренние войска, которые, по оценке Люшкова, насчитывали около 50 тыс. солдат.

Тревожным выглядело и соотношение в танках и самолетах. Против 2000 советских самолетов Япония могла выставить лишь 340 и против 1900 советских танков – только 170.

До этого мы полагали, что советские и японские вооруженные силы на Дальнем Востоке соотносились между собой как три к одному. Однако фактическое соотношение оказалось равным примерно пяти или даже более к одному. Это делало фактически невозможным осуществление ранее составленного плана военных операций против СССР.

Обычно генеральный штаб императорской армии составлял к началу сентября каждого года планы боевых операций на следующий год. Однако ввиду разворачивания военных действий в Китае такой план на 1938 г. своевременно составлен не был. Временный вариант плана боевых операций против СССР на 1938 г. был подготовлен лишь в марте этого года. По этому плану представлялось вероятным, что Советский Союз может вмешаться в японо-китайский вооруженный конфликт. Но теперь, в свете полученной информации, стало очевидно, что если такое вмешательство произойдет, то сдержать Советский Союз будет фактически нечем. Таким

образом, расширение японо-китайского вооруженного конфликта требовало внесения кардинальных изменений во все наши стратегические планы, чтобы парировать советскую угрозу.

Пораженный полученной от Люшкова информацией, генеральный штаб был вынужден срочно переработать план боевых операций на 1938 г.; этот план был утвержден только 5 сентября 1938 г., т. е. с большим опозданием. Одновременно был принят план укрепления обороны против Советского Союза, рассчитанный на пятилетний срок, так называемый «План боевых операций № 8». Однако как план на 1938 г., так и пятилетний план (№ 8) остались лишь на бумаге из-за невозможности их реализации ввиду нехватки государственных ресурсов.

Зачем я все это вам рассказываю? Только затем, чтобы показать, как боялся в тот момент – в конце июня 1938 г. наш генеральный штаб вмешательства Советского Союза в ход военных действий в Китае, вполне справедливо полагая, что в этом случае поражение нашей армии было бы неотвратимым.

Сбежавший из Советского Союза Люшков подтвердил, что СССР намерен дождаться момента, когда Япония истощит свои силы в борьбе с Китаем, а затем осуществит нападение на нее. Ознакомившись с его показаниями, мы стали еще больше опасаться возможности вмешательства Советского Союза в войну между Японией и Китаем. Однако теперь, когда я вспоминаю то время, я считаю, что наши тогдашние опасения были в какой-то мере раздуты показаниями Люшкова.

Тем не менее, в тот момент головы всех служивших и в военном министерстве, и в генеральном штабе были заняты лишь одной мыслью: сумеем ли мы в случае необходимости вывести свои войска из Китая и как парализовать замыслы Советского Союза вмешаться в ход военных действий в Китае. Короче, мы вовсе не думали о том, чтобы очертя голову и дальше погружаться в вооруженный конфликт с Китаем.

Вернемся к рассказу о Люшкове, который вскоре после своего бегства был доставлен в Японию, тайно помещен в так называемую «контору Кудан», где систематически допрашивался. Спустя какое-то время после этого инцидента военное министерство дало сообщение в печати... из Советского Союза через аккредитованных при нем корреспондентов. Действительно, такое сообщение было сделано лишь 1 июля, т. е. спустя примерно полмесяца после самого события.

В связи с этим рассказывали интересный эпизод. Вскоре после того, как Люшков был переброшен в Токио, начальник восьмого отдела Кояма Ясуо решил использовать этот случай для активизации антисоветской пропаганды. В ноябре 1937 г. было утверждено «распределение обязанностей между управлениями центрального аппарата императорской армии в военное время». В соответствии с этим распределением «ведение пропаганды, организация подрывных действий и контрразведка возлагаются в основном на начальника второго отдела с привлечением в необходимых случаях к выполнению этих функций начальника восьмого отдела, начальника управления информации и других работников». Таким образом, ведение пропаганды возлагалось на Кояма.

Восьмой отдел составил проект пропагандистских мероприятий, а организация их проведения была возложена на управление информации военного министерства. В этом управлении имелся отдел планирования, который также составлял различные планы пропагандистских мероприятий. Однако в случае с Люшковым эти планы были разработаны восьмым отделом, а выполнялись они управлением информации, поскольку Кояма рассчитывал использовать бегство Люшкова в целях развертывания антисоветской пропаганды в международном масштабе.

Отдел планирования управления информации принял предложения Кояма и приступил к их реализации. 1 июля японским корреспондентам, аккредитованным в пресс-клубе военного министерства, была передана информация о бегстве Люшкова. Одновременно эта же информация была распространена иностранными телеграфными агентствами Ассошиэйтед пресс, Юнайтед пресс, агентством Байас, ДНБ, а также опубликована в выходящей в Японии на

английском языке газете «Джапан адвертайзер». Сообщения вызвали громадный отклик. Задачей этой пропагандистской акции было показать тоталитарный характер сталинского режима, убедить всех в опасности коммунизма. Цель была достигнута. В американских и немецких газетах также появились статьи, осуждающие сталинский режим произвола и насилия».

Коидзуми Коитиро вторит бывший начальник разведывательного отдела японской Корейской армии генерал Масатака Онуки. Он вспоминал:

«В его (Люшкова. – *Прим. авт.*) информации было и такое, что явилось для нас серьезным ударом. С одной стороны, советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою военную мощь, с другой – японская армия из-за японо-китайского инцидента совсем не была готова к военным действиям с Советским Союзом. Если бы нас в какой-то момент атаковала Дальневосточная армия, мы могли бы рухнуть без серьезного сопротивления...»⁶

Из сказанного выше следует, что Генрих Люшков предупредил Токио о том, что военная операция на советском Дальнем Востоке обречена на поражение. В начале главы Петр Фролов написал, что еще весной 1938 года пограничники начали готовиться к агрессии со стороны Японии.

Отметим еще один странный эпизод в истории с Люшковым. На Дальний Восток он поехал вместе с супругой Ниной Васильевной Люшковой-Письменной (в девичестве Кляuze)⁷, которую в середине тридцатых годов прошлого века отбил у своего подчиненного – начальника Транспортного отдела НКВД УССР майора госбезопасности Якова Письменного. Последний был осужден и казнен в сентябре 1937 года. В начале июня 1938 года Люшков отправил супругу вместе с ее дочерью – десятилетней Людмилой из Хабаровска в Москву. Арестовали ее только 13 ноября 1938 года, то есть спустя четыре месяца после побега мужа. На момент ареста она вместе с дочерью проживала в Москве по адресу ул. Малая Каретная, дом 6, кв. 2.

Особым совещанием при НКВД СССР 19 января 1939 года Нина Люшкова-Письменная по обвинению «член семьи изменника Родины» приговорена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. В выписке из протокола Особого совещания говорилось, что Люшкова-Письменная «знала о намерениях Люшкова, но не сообщила органам власти». Правда, в деле доказательств того, что она способствовала побегу и знала о намерении мужа бежать за границу, не было.

Распространенная версия о том, что перед своим бегством Люшков отправил супругу в Москву, сообщил ей, что он намерен бежать за границу, и рекомендовал ей уехать в Польшу, опирается только на сообщение агентства Домей – Токио от 1 июля 1938 года. «Другими объективными данными не подтверждено и поэтому не внушает доверие»⁸.

20 мая 1939 года Нина Люшкова-Письменная по этапу прибыла в Карлаг. Освобождена 15 июня 1946 года.

Мать Люшкова и его две сестры 5 октября 1939 года были приговорены как «члены семьи изменника Родины» к пятилетней ссылке в Казахстан, а младший брат отправлен в лагерь в Свердловск, где скончался 9 мая 1943 года. Мать Люшкова умерла в пересыльной тюрьме 23 декабря 1939 года. Сестра Анна после окончания следствия оказалась на принудительном лечении в психиатрической больнице в Харькове и была убита гитлеровцами со всеми больными в 1943 году. Из ссылки на Украину вернулась лишь сестра Люшкова Елизавета.

И последний штрих в деле Люшкова. В октябре 1962 года в военном трибунале Московского военного округа было пересмотрено дело Нины Люшковой – Письменной. Согласно Определению № н-786/ос:

⁶ Катулицев В., Коц И. Инцидент. // Родина. 1989 год. № 6–7.

⁷ Родилась в 1909 году в населенном пункте Ставрополь на Северном Кавказе.

⁸ Безнасток А., Звягинцев В. Трибунал. Арбат, 37. М., 2006. С. 405–407.

«Уголовное дело на Люшкова Г. С., бывшего начальника УНКВД по Дальневосточному краю, не заводилось. Однако из имеющихся в деле материалов видно, что он в ночь с 12 на 13 июня 1938 года действительно бежал за границу, где выдал государственную тайну, а затем, находясь в Японии, занимался враждебной деятельностью против Советского Союза, в августе 1945 года был направлен в Маньчжурию, где в том же месяце был убит японцами, с целью предотвращения его захвата советскими войсками»⁹.

Странно все это. Высокопоставленный офицер НКВД сбежал за границу, а уголовное дело не было возбуждено».

⁹ Там же. С. 406.

Глава 2

Из камеры смертников в палачи

Из Хабаровска меня на поезде отправили в Москву. Отдельное купе в мягком спальном вагоне. В сопровождении двух конвоиров ехал я дней пятнадцать – все это время прикованный наручниками к ножке столика. Три раза в сутки меня выводили в туалет. Питались мы выданным в Хабаровске стражникам сухпайком.

Мои спутники всю дорогу молчали, ограничиваясь лишь короткими фразами-командами. Они строго следили за тем, чтобы я не общался с другими пассажирами. Радио в купе было выключено. Газеты в купе отсутствовали. Поэтому я ничего не знал о боях в районе озера Хасан. Видел я идущие на Дальний Восток эшелоны с военной техникой и красноармейцами, но не обратил на это внимание.

Несмотря на всю специфику своего положения и не зная, что ждет меня впереди, я ощущал себя королем. Впервые в жизни я ехал в спальном мягком вагоне! Проводник в черной форменной тужурке три раза в день приносил ароматный свежесваренный чай. Стаканы в мельхиоровых подстаканниках. Блюдечко с колотыми кусочками сахара. И неторопливое чаепитие под стук колес. А что еще делать, кроме как любоваться мелькавшими за окном пейзажами. В училище и на заставе я быстро выпивал чай из алюминиевой кружки, а потом куда-то убегал. Времени на чайную церемонию у меня не было.

В столице на привокзальной площади меня усадили в черную легковую автомашину – я с удивлением осмотрел салон этого транспортного средства. Мне еще ни разу в жизни не приходилось ездить на легковушке. В кузове или кабине грузовика – несколько раз. В городе, где я родился и вырос, было не больше пятнадцати легковых машин. И всеми пользовались местные большие начальники. Еще больше удивился я, когда узнал, что любой москвич может заказать такси по телефону, сесть на кожаное сиденье и наслаждаться поездкой по городу.

Когда мы ехали по улицам столицы, я удивленно вертел головой. Мысль о том, что, может быть, это моя первая и последняя поездка – впереди короткое следствие и смертный приговор за то, что дал возможность уйти врагу за границу, – временно отступила и уступила месту радости от встречи с Москвой.

Меня доставили в здание Главного управления госбезопасности НКВД СССР на площади Дзержинского. Через несколько часов я попал в одиночную камеру Внутренней тюрьмы, которая на много месяцев стала моим жилищем.

Встреча с Берией

Потянулись дни, похожие один на другой. Два раза в день кормежка. Раз в две недели водили в баню. Даже беседы со следователями (мое дело по очереди вели четыре человека) ничем не отличались друг от друга. Стандартный набор вопросов и привычные ответы на них. И снова в камеру.

Внезапно вызовы на допросы прекратились. Это наводило на грустные мысли. Возможно, что мое дело передано в суд и теперь осталось только дожидаться вынесения приговора. Я не сомневался, что он будет очень суровым, возможно, что даже и высшая мера наказания. Ведь я не только помог сбежать за рубеж высокопоставленному «врагу народа», но и способствовал ослаблению обороноспособности нашей страны. Ведь начальник УНКВД и пограничными войсками Дальнего Востока в силу своего служебного положения знал множество секретов. В том, что война между СССР и Японией неизбежна, я не сомневался. На границе это ощущалось особенно остро. Может быть, мои товарищи по погранотряду уже сражаются с проклятыми самураями, а я тут сижу на нарах. И от этого становилось еще тоскливее.

О том, что японцы напали на нашу погранзаставу, а ее начальнику посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, я узнал только через год, когда вышел на свободу.

Находясь в заточении, я старался поддерживать физическую форму: приседал, отжимался от пола, часами ходил (мысленно при этом представляя, что нахожусь на границе). Иногда ощущения были такими яркими и отчетливыми, что я испытывал сильный шок, когда возвращался в замкнутое пространство камеры. В первый месяц я пытался считать дни, а потом сбился со счета и отказался от этой идеи. Постепенно я привык к новой жизни. Служба на Дальнем Востоке мне казалась всего лишь сном, красивым и иллюзорным. Я мог часами неподвижно сидеть, расфокусировав взгляд и ни о чем не думая. В голове вместо бурного потока мыслей – неподвижная чернота безмолвия. В такие моменты не знал – я жив или мертв. Когда возвращался в реальность, например во время мытья в бане, то понимал, что долго не смогу балансировать на грани между жизнью и смертью. В какой-то момент я сойду с ума, навсегда погрузившись в черноту безмолвия, или умру. Будет тело продолжать существовать в качестве биологического объекта или начнет разлагаться в сырой земле – разуму будет все равно. Он навсегда обретет покой, погрузившись в вечную черноту безмолвия. Рай и ад, куда якобы попадают души умерших, – сказки попов. Нет загробной жизни, и всех, вне зависимости от их земных дел, ожидает один финал. Когда я впервые осознал это, что-то сломалось во мне. Воспоминания о прошлом резко потускнели, а мечты о будущем куда-то исчезли. Острым и ярким был лишь миг жизни, который я проживал в тот момент. После этого я перестал испытывать дискомфорт от нахождения в заточении. Наоборот, я обрел ощущение внутренней свободы. Больше я не цеплялся за свою жизнь. Зачем ее дорожить, если финал заранее известен и неизбежен. После этого я стал равнодушно относиться к своей и чужой жизни.

Однажды утром в камеру ко мне пришел тюремный брадобрей с бидоном горячей воды, тазиком, полотенцем, кружкой с мыльной пеной, опасной бритвой и машинкой для стрижки волос. Он ловко превратил меня из длинноволосого попа в призывника. После бритья и стрижки меня отвели в баню. Затем мне выдали свежее белье, гимнастерку со споротыми знаками различия, галифе и сапоги.

В таком виде я предстал перед наркомом внутренних дел Берией.

Одетый в скромный костюм, без галстука, в пенсне Берия был больше похож на школьного учителя, чем наркома внутренних дел. Говорил он тихо, с едва заметным грузинским акцентом:

– Как же вы упустили такого матерого врага, лейтенант Фролов? Почему в нарушение всех инструкций позволили ему пройти в погранполосу? Я читал ваши показания. Что там на

самом деле случилось? – спросил нарком. Чувствовалось, что он хотел лично разобраться в произошедших на погранзаставе событиях.

Я лаконично рассказал о появлении Люшкова и о своих подозрениях о наличии у беглого чекиста сообщника в руководстве УНКВД Дальневосточного края. Просто ничем другим я не мог объяснить тот факт, что начальник краевого управления мог в одиночку посещать погранзаставы и встречаться с ценными агентами из числа граждан сопредельных стран.

– С этим мы уже разобрались. Хотя за сигнал благодарю. Побольше бы нам таких бдительных сотрудников, а не тех ротозеев и подхалимов, которые привыкли беспрекословно выполнять любой, даже преступный приказ начальства. Ничего, сейчас мы почистим гадюшник, который после себя оставил Ежов и его сообщники. Вот только людей не хватает. Инициативных и честных, таких, как вы. Хотя за то, что вы Люшкова упустили, вас расстрелять надо. – Произнося эти слова, Берия внимательно наблюдал за моей реакцией. – Расстрелять вас мы всегда успеем. А пока я вам даю шанс реабилитировать себя. Есть один человек, который подозрительно активно общался с многочисленными «врагами народа». Может, кто-то из них завербовал его или посвятил в свои преступные планы. А мы об этом не знаем, или враги народа Ягода с Ежовым скрыли от товарища Сталина и партии этот факт.

Я пытался понять, куда клонит нарком и за кем мне предстояло следить. Куда меня теперь могут направить служить – с клеймом «враг народа». Если только в тюрьму или лагерь в качестве «стукача». И словно прочтя мои мысли, Берия заявил:

– Служить вы теперь будете в Москве. Личным помощником коменданта НКВД СССР Блохина. Он как раз просил прислать нового сотрудника. Вот вы им и будете. Нюх на «врагов народа» у вас есть. Характеристики и анкета хорошие. В партию еще не успели вступить, но это из-за вашего юного возраста. А чтобы не повторилась истории с Люшковым, обо всем будете лично мне докладывать. Теперь ваши рапорты никто не сможет в сейфе мариновать. Я их сам лично буду читать. А в моем сейфе ваше следственное дело будет храниться. Если редко или скудно писать будете, я его читать начну. Ясно?..

– Да, – глухо произнес я, осознав, в какую я попал передрыгу. Личный агент наркома внутренних дел в среде чекистов, которые научились разоблачать любых «врагов народа». А если кто-то из них на самом деле противник советской власти? Так он меня не только мгновенно разоблачит как стукача, но и сделает все, чтобы меня отправили в камеру смертников – откуда меня и нарком не сможет вытащить. Смерти я не боялся, просто обидно второй раз не суметь разоблачить «врага народа». Ведь сколько вреда может такой человек нанести стране!

– Вот и хорошо, будешь служить в спецкоманде, – произнес собеседник, переходя на «ты». – Она врагов народа расстреливает. Правда, ты будешь не за ними присматривать – к ним претензий нет, а за их начальником – комендантом Блохиным. Засиделся он на своей должности – уже восемь лет, и уходить не собирается. Вопросы есть?

– Никак нет! – машинально отрапортовал я, пытаюсь сообразить, что это за такое странное подразделение – «спецкоманда». То, что кто-то приводит в исполнение смертные приговоры в отношении «врагов народа», было понятно. Правда, до сих я не задумывался о том, что занимаются этим обычные люди – сотрудники НКВД. Застрелить человека во время задержания на границе – это понятно. Там выбора нет – ты убьешь или тебя застрелят. А в Москве, где нет войны и враги разгуливают по улицам не с пистолетами, а с портфелями, – не укладывалось это в моей голове. Интересно, кто эти люди, готовые стрелять в затылок преступникам. Отец, прошедший дорогами Гражданской войны, однажды признался, что самое трудное для него было расстреливать белогвардейцев. Когда стоят они перед строем красноармейцев, прерзательно смотрят на своих врагов и хором исполняют «Боже, царя храни» или молитву.

– Зато у меня есть, – назидательно произнес Берия. – Сразу видно, что не был на подпольной работе. Я ею в Гражданскую войну занимался. Знаешь, на чем чаще всего попадают агенты? На странных деталях своей биографии. Вот что мы имеем у тебя? Службу на границе

на заставе, которая участвовала в боях с японцами. Потом твое нахождение под следствием. Освобождение и назначение в центральный аппарат наркомата. Что это значит? Кто-то хочет тебя внедрить сюда. Что бы ты сделал, узнай об этом?

– Немедленно доложил бы вам, – бодро отрапортовал я, еще не понимая, куда клонит собеседник.

– Правильно, а как можно было бы тебя обмануть? – задал провокационный вопрос Берия.

– Ну, наверно, я бы не обратил внимания на сотрудника, которого просто перевели с Дальнего Востока в Москву, например на повышение. Обычная история, и никаких «темных пятен» в биографии.

– Правильно мыслишь, Фролов. Жаль, что ты Люшкова упустил, а то бы взял к себе в аппарат, – искренне восхитился нарком. – А если бы тебе нужно было человека с твоей биографией устроить в центральный аппарат, что бы ты сделал?

– Я бы оформил ему документы на офицера Красной Армии, который до своего назначения в Москве служил где-нибудь на Дальнем Востоке, – предложил я.

– Интересно, – Берия внимательно поглядел на меня. – А ведь ты не так прост. Хотя у вас у всех пограничников мозги специфично работают. Почему в Красной Армии, а не в НКВД, на Дальнем Востоке, а не в Средней Азии?

– Если НКВД, то он может случайно встретить «сослуживца» из того же управления. И тут он проколется. Поэтому лучше армейский офицер. Дальний Восток – маловероятно, что в Москве он встретит сослуживцев по армейской службе. С другой стороны, он знает специфику региона и если встретит кого-то, кто родился и вырос там, то сможет поговорить о погоде. Еще одна причина – когда служишь в медвежьем углу, не важно – пограничником или кавалеристом, ты оторван от культурной жизни и всех новшеств. – И, осмелев, я добавил: – Вот, например, окажись я сейчас один на улице, так я буду стоять как столб и растерянно крутить головой. Не знаю, как жить в городе. На заставе или в казарме в отдаленном гарнизоне – там все по-другому. Там и денег не нужно – нечего покупать: до ближайшего магазина десятки километров, а еда и одежда – казенные. – Я умолк, пытаюсь понять, не сказал ли я чего лишнего, и на всякий случай поспешил добавить: – Нам об этом еще в училище говорили. Что нарушитель обычно прокалывается на незнании реалий современной жизни. Если он еще в Гражданскую войну из Советской России сбежал, а спустя пятнадцать лет решил вернуться в качестве диверсанта. Там местные жители нам помогали чужаков отлавливать. Тех, кто из Маньчжурии к нам проник.

– Интересно, – задумчиво произнес нарком и после нескольких минут размышлений сообщил мне свое решение: – Будешь ты офицером Красной Армии с Дальнего Востока. Где служил – это попозже определишь. Неделю назад тебя перевели в Москву, в распоряжение наркомата. Теперь жилье. Оформим тебе комнату в коммуналке. Сосед – наш негласный сотрудник, он тебе поможет в городе освоиться и «легенду» отточить. В ближайшие дни тебя перепатентуют – у нас другие звания. А через неделю начнешь служить у Блохина. Все остальные вопросы решишь в рабочем порядке. Все, свободен.

Дела московские

Через час после встречи с наркомом я сидел в кабинете у «соседа по коммуналке» – офицера военной контрразведки Волкова Михаила и внимательно слушал его инструктаж.

– Часть, где ты служил до перевода в Москву, я к завтрашнему дню тебе подберу. Служить будешь в пехоте. У кавалеристов своя специфика, можешь на мелочах проколоться...

– Так на заставе... – возразил я.

– На лошади ездил, – прервал собеседник. – Все равно этого мало, чтобы на равных общаться с бывшими кавалеристами. Лучше подумай, какое военное училище в Саратове окончил. Понятно, что твое пограничное не подходит. После окончания училища тебя сразу на Дальний Восток отправили. Специфику службы ты лучше меня знаешь. В смысле зимой холодно, летом жарко. Много китайцев и мало женщин, – пошутил он и добавил серьезно: – Вот поэтому и не женился.

– А там их действительно мало? – искренне удивился я. – У нас-то на погранзаставах понятно. А по соседству раньше корейцы жили, русских почти не было.

– Да, край малонаселенный. Гражданского населения очень мало. Когда там начали части и соединения Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии размещать, то возникла серьезная проблема. Холостые офицеры не могли семьи создать. Так что этот пункт твоей биографии вопросов не вызывает. Осталось только решить жилищную проблему.

– Так мне комнату... – начал я.

– Не в том смысле. Жилье есть, правда, казенное. Стол, стул, кровать – все с инвентарными номерами. Когда будут выселять, все это нужно будет сдать. Этот порядок одинаков для обоих наркоматов – внутренних дел и обороны. С посудой и продуктами помогу. Клава – это моя супруга, покажет, что в каких магазинах можно будет купить. Бытовые вопросы обсудили. Теперь о задании. Для начала тебе нужно Москву изучить. Научиться пользоваться метро и наземным транспортом. В городе не теряться. Ведь тебе нужно будет с подозреваемыми общаться не только на рабочем месте, но и во время отдыха. Это у вас на заставе все круглые сутки как на ладони. А в Москве человек после окончания работы может пойти в ресторан, где будет пьянствовать с иностранцами, или на конспиративную квартиру, где с другими троцкистами будет обсуждать планы свержения советской власти. И если будет необходимо, то самому пить вместе с ними или поддакивать врагам народа. Тебе нужно втереться к ним в доверие. Ты должен стать для них своим человеком, которому можно доверять. Без этого мы не сможем узнать об их коварных планах и ликвидировать противников советской власти.

Неделя пролетела быстро. Днем я гулял по столице, а по вечерам изучал подготовленные Волковым материалы и слушал его рассказы об особенностях армейской службы. Разумеется, этого было мало для «превращения» меня в настоящего офицера Красной Армии – я бы прокололся во время беседы с военным чекистом, но мои будущие сослуживцы в последние лет десять не служили в РККА, и поэтому вероятность моего провала была минимальной. Единственное, что смущало меня, – Блохин знал о моем прошлом и поэтому мог догадаться, что меня прислали следить за ним. И как он среагирует на появление «стукача» – предсказать невозможно.

Знакомство с Блохиным

Кадровик сначала отвел меня в 1-й спецотдел (оперативный учет, регистрация и статистика. – *Прим. ред.*), где я был представлен своему официальному начальнику и сотрудникам подразделения, а потом – к Блохину. Обычно рядовые сотрудники самостоятельно знакомились с руководством и коллегами по службе, но, учитывая непосредственное участие в моем назначении самого наркома, традиция была нарушена. Другая причина уважения со стороны кадрового отдела – молниеносно проведенная переаттестация. Из лейтенанта пограничника за несколько дней я превратился в лейтенанта госбезопасности. На складе я получил новую форму, а в отделе кадров мне вручили служебное удостоверение сотрудника центрального аппарата НКВД СССР.

Следуя рекомендации Берии, я «забыл» о своей службе на границе и придерживался вымышленной биографии о службе в пехотных частях Красной Армии, которые дислоцировались на Дальнем Востоке, но в непосредственных боях с японцами не участвовали. Не знаю, верили или нет коллеги в мою «легенду», но никто не пытался меня «разоблачить». Слухи о том, что прислан в отдел самим Берией, заставляли их относиться ко мне настороженно.

Блохин встретил меня настороженно. Через много лет я узнал, что недели за две до моего назначения Берия хотел арестовать коменданта, подготовил необходимые документы и пошел на доклад к товарищу Сталину. Последний внимательно изучил бумаги и вызвал к себе начальника отдела охраны руководства партии и правительства Власика.

– У вас есть претензии к коменданту НКВД СССР товарищу Блохину? – спросил руководитель страны у него.

– Никак нет, – по-военному четко ответил Власик. – Прекрасно справляется с возложенными на него обязанностями.

– И у меня нет к товарищу Блохину претензий, – внимательно глядя в глаза Берии, тихо и четко проговаривая каждое слово, произнес Сталин.

Вернувшийся в наркомат Берия вызвал к себе Блохина и продемонстрировал имеющийся на коменданта компромат. Затем спрятал папку в сейф со словами:

– Можете пока работать, но помните, что за вами много грехов накопилось и однажды вы за них ответите...

До декабря 1945 года (до этого времени Берия был наркомом внутренних дел) Блохин постоянно помнил о «дамокловом мече», который хранился в сейфе у Берии, и отомстил ему за годы постоянного страха. Когда в июне 1953 года Берию арестовали, а затем началось следствие, то Блохин охотно давал показания против своего бывшего начальника. Я не знаю, что именно сообщил комендант, но в конечном итоге Берию расстреляли, а Блохин умер дома от инфаркта в феврале 1955 года в возрасте шестидесяти лет.

Во время первой нашей встречи Блохин попросил меня рассказать о себе. Позднее я понял, что это была своеобразная проверка. Он заранее изучил мою анкету в личном деле и теперь хотел сравнить мой рассказ с тем, что было написано в том документе. Я честно рассказал о своем детстве, учебе в погранучилище, службе на Дальнем Востоке и о бегстве офицера НКВД. Фамилию и должность Люшкова я специально не называл. Затем двумя-тремя фразами о том, как находился под следствием и отпущен на свободу за отсутствием состава преступлений. Собеседник, молча слушая мой рассказ, лишь изредка кивал головой. Когда я закончил свой монолог, Блохин задумчиво произнес:

– Из огня да в полымя! У нас, правда, не граница, но врагов тоже хватает. Что же вам поручить?

– Готов выполнить любое задание! – четко произнес я.

– Даже человека застрелить сможете? – вопросительно и насмешливо произнес комендант, желая охладить мое желание выслужиться любой ценой. – Если он перед вами на коленях со связанными руками и молит вас о пощаде? Целует ваши сапоги? А вы знаете, что у него четверо малолетних детей. Сможете вы выстрелить в него? – резко спросил он и приказал: – Отвечайте быстрее! Ну, сможете?

– Наверно... да... – растерянно ответил я.

Во время службы на границе мне приходилось участвовать в перестрелках с нарушителями. Несколько бандитов мы застрелили. Чья пуля, моя или кого-то еще из наряда, оборвала жизнь незваного гостя – об этом мы не думали. На войне как на войне – убиваешь ты или тебя. Когда возвращаешься на заставу – понимаешь, что мог погибнуть. В первый раз это страшно, а потом привыкаешь. А после нахождения в камере на Лубянке я утратил боязнь смерти.

– Уверен? Отвечай честно! Уверен? – глядя мне в глаза, словно выстрелил, произнес комендант. Я испугался. Его взгляд был, как у тигра – немигающий и равнодушный, – как у хозяина тайги. Через три дня после начала службы на заставе я повстречал на тропе тигра. Мне повезло – животное было сыто и настроено миролюбиво. Мгновения, которые мне показались вечностью, мы стояли и с любопытством изучали друг друга. Наконец гигантская кошка удовлетворила свое любопытство и исчезла в зарослях. Когда я рассказал на заставе об этой встрече, то старшина уважительно произнес: «Это с тобой Мишка познакомился. У него здесь охотничьи угодья, которые он охраняет от других тигров».

– Не знаю, – честно признался я.

– Верю, – вынес свой вердикт Блохин. – Если бы сказал да, то сразу же отправили к психиатру. Не может человек с такой биографией расстреливать безоружных. А мне не нужны вооруженные психи, которые могут и меня застрелить. В порыве выполнения служебных обязанностей.

– А что, такое бывало? – осторожно поинтересовался я.

– Да, – сразу сникнув, признался Блохин, поспешив добавить: – В меня никто не стрелял, но твоего предшественника едва не расстреляли вместе с «врагами народа». Сотрудник увлекся...

– А он... – Теперь я понял смысл фразы, которой встретил меня комендант. Если выжил в камере смертников, то могу получить пулю от палача.

– Кто? Если стрелявший – продолжает служить. А тот, в кого стреляли, больше не участвует в казнях. Перекладывает бумажки в 12-м отделении 1-го спецотдела – вы с ним познакомитесь попозже, когда тот тебя в курс дела будет вводить. Чтобы такого больше не происходило – случайно никого не застрелили, было решено, чтобы оформляющий акты об исполнении смертных приговоров сотрудник служил вместе со стрелками. Тогда они точно не перепутают и не застрелят своего, – буднично объяснил собеседник. – Вот вы и будете проходить по штату 1-го спецотдела, а служить в 5-м отделении комендатуры Административно-хозяйственного управления НКВД. О вашем прошлом – службе на границе – никто, кроме меня, знать не должен. Ребята здесь скромные, привыкли держать язык за зубами и не задавать лишних вопросов, поэтому не будут пытаться узнать подробности вашей службы в Красной Армии. Они и сами привыкли оставаться «в тени» – все оформлены «сотрудниками по особым поручениям». А о том, чтобы им и вам сотрудники других отделов и управлений не задавали лишних вопросов, – это уже моя забота. Как говорится, враг не дремлет. А одна из обязанностей комендатуры – обеспечение режима секретности. Понятно?

– Так точно! – бодро отрапортовал я.

– Это хорошо, что вы все быстро схватываете. Мне как раз и был нужен такой толковый сотрудник, – искренне обрадовался Блохин, а затем пожаловался на своих подчиненных из 5-го отделения: – Исполнители они хорошие, но безынициативные. Каждое задание им приходится очень долго и подробно объяснять. Требовать от них правильно оформлять акты – это быстрее

самому все написать. Пишут они с множеством грамматических ошибок, почерк – у курицы лучше¹⁰, фамилии путают, могут кого-нибудь забыть вписать... На них постоянно начальник 1-го спецотдела жалуется. А когда прислал своего подчиненного, его по ошибке чуть не застрелили. А все из-за чего – человек чужой. В домино или в шашки с ними в гараже наркомата не играл, на политзанятиях не был. Вот и не запомнили они его. Редко он здесь появлялся. А вы с ними постоянно будете – не только днем, но и ночью.

Увидев на моем лице удивление, Блохин объяснил:

– Расстреливают обычно по ночам. А днем вы будете все документы оформлять и в политзанятиях участвовать. Было мне недавно указание усилить воспитательную работу среди сотрудников 5-го отделения. Чтобы они в свою очередь занялись теми, кого расстреливают. А то жертвы перед смертью выкрикивают различные лозунги и клянутся в верности народу, партии и лично товарищу Сталину. Неправильно это. Раньше нужно было думать об этом, еще до того, как занялись антисоветской деятельностью и стали выполнять задания Троцкого и иностранных разведок! Так что занятия теперь будут проходить часто. А вам нужно в партию вступить. Причем срочно. У нас беспартийные не служат!

– На заста... – Я резко замолк, сообразив, что начал говорить лишнее. – Виноват, во время службы в Красной Армии был кандидатом в члены ВКП(б), но... – Я снова умолк, не зная как продолжить.

– Во-первых, чтобы я больше никогда ничего не слышал о вашей службе в погранвойсках и нахождении под следствием, – резко оборвал меня комендант. – Забудьте об этом периоде вашей жизни. Во-вторых, ваш кандидатский стаж восстановлен. И вы сможете вступить в партию. Сегодня к вам подойдет секретарь парткома управления, и вы с ним решите этот вопрос. Все, что нужно, он знает. Ясно. В-третьих, мой дружеский совет: во время политзанятий не показывайте, что вы самый умный. Что это так, я и сам прекрасно знаю, а остальным этого знать не нужно. Люди завистливые и склочные существа. Будьте как все – конспектируйте выступления лектора. Вопросы не задавайте. Сами поймете, как нужно правильно вести себя. А учитывая ваше желание участвовать в общественной жизни управления, хотите, назначу вас редактором стенгазеты управления?

¹⁰ Блохин имел в виду выражение «пишет как курица лапой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания